

№331 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Исцеление 10-ти прокажённых

О.Иоанн: «Мой самый древний кум Владимир Граур до сих пор трудится врачом в инфарктном отделении больницы им. Лучанского и, помню, однажды в сердцах он сетовал – сутки, не отходя, вытаскивали больного с того света, а тот напоследок хоть «спасибо» сказал бы. Имеется в виду даже не конверт и не коньяк – просто обыкновенная человеческая благодарность. Владимир Васильевич, как и многие доктора, за десятилетия врачебной практики привык уже к подобному и воспринимает сие философски, продолжая ежедневно спасать жизни десяткам людей».

Но вот что собою представляют такие вот неблагоприятные существа? Моральных уродов, которым не может быть места в Царствии Божием, не по причине провинности – дескать, не изобразили благодарности жест, а в смысле червивости душ, смрада и безобразности их нутра. Так же, как и в случае с евангельскими прокажёнными – вряд ли Иисус что-то потерял, не услышав слов благодарности за, что называется, вторую жизнь людям, в буквальном смысле выброшенным на загородную свалку. Им под страхом смерти нельзя было не только войти в какое бы то ни было селение, но даже **приблизиться** к прохожему, чтобы его не заразить. Они просто живьём догивали среди мусора, в надежде найти там что-то съестное, или на какого-то сердобольного прохожего, который издали бросит им лепёшку хлеба.

На самом деле не столь страшна проказа тел, сколь душ, ибо последняя - бессмертна.

Давидов грех

В какой-то момент Давиду царю Израильскому приходит в голову мысль: как же так, у меня всё хорошо, я молод и здоров, богат, живу в замечательном, красивом дворце в Иерусалиме, я царь, все предо мною преклоняются. А Богу, Которому я всем обязан, принадлежит какой-то шатёр из козьих шкур – скиния. Разве это хорошо?

И приходит Давид к своему пророку Нафану и говорит об этом. В то время пророк при дворце царя - это было как бы должностью, штатной единицей. Итак, Давид излагает свои мысли пророку Нафану, и тот мгновенно отвечает: «Молодец! Правильно ты решил! Что задумал – делай!». Но в ту же ночь пророку Нафану явился Бог и сказал: «Нет, не так. Пойди к Давиду и останови его». Нафан идёт к Давиду и возглашает: «Так говорит Бог: ты ли построишь дом имени Моему, когда, наоборот, Я о тебе всё время забочусь? Это Я строю дом тебе, это Я строю Израиль как народ. Но за то, что ты так Мне доверяешь, за то, что ты настолько праведен передо Мною, Я обещаю тебе, говорит Бог: из твоих чресл произой-

дет тот, кто **построит** дом имени Моему. И, - говорит Он, - Я утвержу царство его вовеки. И если он согрешит передо Мною, Я накажу его ударами мужей. Но милости Своей не отниму от него, как Я отнял её от Саула. Царство его будет царством вовеки».

Ну, в общем, понятно - у Давида должен родиться сын - его потомок, который и построит храм – дом для Бога; он будет царём из рода Давида, и «царство его устоит вовеки», т.е. и у ЕГО потомков тоже всё будет хорошо.

Но на самом деле оказывается, что случилось всё не совсем так. Да, **сын** Давидов храм действительно строит и царствует над народом израильским, но уже в следующем поколении царство это разваливается, а вскоре и совсем перестает существовать. И что сие значит? Бог ошибся? Нет, конечно – Господь имел в виду иное. В последующих поколениях Бог постепенно будет открывать Израиллю, и в этом обетовании окажется нечто гораздо большее, чем непрерывающаяся тысячелетиями царская династия.

А пока в царстве Давида всё прекрасно, всё замечательно. Давид человек умный, талантливый набожный. Но... он всё же, человек со своими слабостями и порочностью. Именно поэтому с ним и происходит следующая история, которую Вы все прекрасно помните.

Однажды он гуляет по своему дворцу и из-за стены видит, что в соседнем дворике купается какая-то молодая очень красивая женщина. Ну, здесь, всё понятно – он её захотел, а желание царя – закон для подчиненных. Ему её приводят; он её укладывает в свою постель, ну и так далее. Понятно, нарушение Заповеди – ну что поделаешь – не сдержался, с кем не бывает, Господи, прости. Но вдруг оказывается, что она беременна. И тогда - понятно – так просто это дело не скроешь. Надо что-то делать - заметать следы. Муж этой дамы, военачальник - в это время находится на войне. Давид, вызывает этого мужа в столицу с тем, чтобы тот провёл одну ночь в своем доме. И всё бы обошлось, если бы этого военачальника не дернуло на время войны взять на себя обет сексуального воздержания. Вот беда-то какая - он к жене не прикасается – у Давида проблемы.

Совершить первый грех – это, как ступить в болото – оно начнет тебя засасывать. За грехом прелюбодеяния последовала ложь, которая не сработала. И что ж тогда делать? **Избавляться** надо от мужа! И Давид вслед за Урией, который снова уезжает на фронт, посылает приказ: подстроить так, чтоб он погиб на этой войне. Тем самым царь совершает убийство.

Вот, вроде, как и всё - можно с облегчением вздохнуть. Но вскоре к Давиду приходит пророк Нафан и говорит ему: «Знаешь, царь, вот был один такой человек, весьма богатый. А у него был бедный сосед. И не было у этого соседа ничего, кроме одной овечки, которую он очень любил. И вот однажды богатому нужно было принять каких-то своих гостей, и он, вместо того, чтобы взять что-то из своих стад, пошёл к соседу, отнял у него бедную овечку и скормил её своим гостям». Услышав о такой несправедливости, Давид вскрикивает: «Достоин смерти этот человек!». «Ты – этот человек!», заключает Нафан.

Обратите внимание – это самая первая в Библии притча – фактически новый жанр – Иисус Христос, в основном будет проповедовать притчами. Притча близка к басне, главная её цель – передать ту или иную религиозную или нравственную идею. Сюжет в притче, как правило, вымышлен. То, о чём рассказывал Нафан вряд ли было на самом деле – богат отнял у своего соседа единственную овцу – вряд ли. Да, если где-то что-то подобное и было, это не имеет никакого значения – в притче важно исключительно написание, нравственная идея, которую она собою несет.

Из основных ключевых жанров Библии – притча это уже третий жанр. Первые главы Бытия, как мы уже говорили с Вами, написаны в форме мифа. Миф, как Вы помните – это особый язык, когда нужно сказать что-то очень важное и сложное, которое человеческим языком адекватно выразить невозможно, но знание о нём настолько ценно, что сказать о нём просто необходимо. И тогда приходится излагать Откровение какими-то образами, довольно далёкими от реальности. Ну вот, представьте себе Бога, вытаскивающего ребро из плоти Адама,

эти волшебные деревья в раю – древо Жизни и Древо Познания добра и зла, архангела с вращающимся мечом. Да, речь идет о неких **реалиях**, сошедших в мироздании, это отнюдь не бред. Но здесь используется язык и средства выражения, не предназначенные для изложения этих очень далеких от нашего сознания истин, и поэтому слова, которыми мы обычно пользуемся, испытывают нагрузку гораздо больше той, которая обычно на них лежит. В принципе, в мифе притча содержится, как составляющая, но в мифе много всего остального. Притча, она понятна с первого раза и ребёнку, она как двумерный рисунок на полотне. А в мифе на порядок больше измерений, ну и соответственно, гораздо больше проблем в его понимании. Адам и Ева, змей, грехопадение – это далеко не притча, скажем, о потерянной драхме, где всё более-менее ясно. В мифах о сотворении Богом мира, о грехопадении прародителей, речь идёт, о чём-то далеко не очевидном. Это та бездонная глубина Богооткровения, которую мы способны постичь, лишь в мизерной доле и то, при помощи такой вот крайне сложной и специфичной формы изложения, которая именуется мифом. Другое дело, что, как мы уже неоднократно говорили с Вами, в устах наших оппонентов-атеистов, миф оказался словом ругательным. Но для них вообще вся Библия – это рассказы.

Мидраш – проще – это жанр рассказов по истории – те же книги Царств или Паралипоменон написаны в мидраше. На первый взгляд – это просто исторические записки – летопись, своего рода. На самом же деле – не совсем так. Безусловно, за основу взяты реальные исторические факты, но автора Библейских книг вовсе не интересовала история сама по себе. Ему нужны были исторические примеры для нравственного назидания. Достоверность здесь может быть на десятом месте. Например, события, происходившие при одном царе, запросто попадали к другому, что-то могло быть присочинено или переиначено. Потому что главное в мидраше – нравственно-религиозный **вывод**.

В Библии встретятся и другие жанры, тот же апокалиптический – это писания пророков Захарии, Иезекииля, Иоиля, Даниила, Откровение Иоанна – придёт время, быть может, поговорим об этом жанре.

Ну а здесь мы впервые встречаемся со всеми нами любимой притчей – она так лаконична, выразительна, понятна.

Притча – это такая картинка, предлагаемая слушателю, и тот может в ней очень легко разобраться и найти правильный ход, понять, что здесь правильно, а что неправильно. А после этого вдруг оказывается, что притча-то – о нём, это его собственная история. Таким образом, перед слушателем открывается возможность увидеть со стороны то, в чём он сам находится, увидеть себя – и сделать из этого какие-то выводы.

Давид, надо отдать ему должное, мгновенно понимает, о чём речь. И он вопит к Богу: «Господи, согрешил я пред Тобою!».

Здесь интересный момент. Когда пророк Самуил говорит Саулу, что тот согрешил пред Богом и царство у него будет отнято, Саул тоже произносит эти слова. Он так же говорит: «Согрешил я пред Богом». Но, тем не менее, царство у него отнимается. И здесь Давид говорит те же самые слова: «Согрешил я пред Богом!» - и Нафан ему отвечает от имени Всевышнего: «Грех твой снят с тебя». Так в чём же разница?..

Дело в том, что Саул, сказав, что согрешил пред Богом, продолжает: «Но это не я, а народ мой взял эти трофеи, это **они** хотели так, а я послушался голоса их». Помните - «Не я, но жена, которую Ты дал мне»? И здесь – мол, это **Ты** сделал такой плохой народ, **Ты** мне его дал, вот они так и захотели». Какой народ?! Если ты царь, значит, **ты** отвечаешь за всё, что происходит в этом народе. И если ты говоришь: «Не я, но народ виноват», это значит, ты отказываешься от ответственности и фактически отказываешься от царства. А это значит – не больше, не меньше – царство твоё будет отнято от тебя.

Давид же говорит: «Согрешил я пред Тобою», - и ставит точку. А ведь мог бы сказать: «Ну Ты понимаешь, она же такая красивая... Это **Ты**, Боже, сделал её такой соблазнительно-очаровательной, что я не смог устоять!». И было бы то же самое, что произошло и с Адамом – не человек виноват, но Бог,

Который дал ему жену, угостившую его запретным плодом. Но нет. Давид ставит жирную точку: «Виноват – я». Между прочим, это первый такой вот пример покаяния, которое мы видим в Библии. А значит, человечество потихонечку нравственно возрастает, Божье воспитание всё-таки как-то влияет.

Мы видим покаяние. И Нафан говорит: «Грех твой снят с тебя. Ты **останешься** царем. Но тот ребенок, который родится у этой женщины, Вирсавии – умрет».

Спрашивается, он-то за что? Дитё же ни в чём не виновато!

Помните, мы говорили с Вами о том, что какие-то вещи несовместимы с Божьим присутствием. Представьте себе - должен родиться сын Давида. А вы помните обетование Божье: «Сын Давида – это тот, кто построит дом имени Всевышнего. Это тот, кто установит Царство Господне вовеки». Это не может быть **этот** сын. Там так и говорится: «Оттого, что ты дал повод хулить имя Моё», - говорит Бог, - этот ребенок не сможет жить. Этот ребенок не сможет оставаться на этой земле, потому что тем самым хулит имя Божие, потому что он является следствием безобразного поступка Давида. Царь народа Израильского поступил гадко, и тем самым бесчестит имя настоящего Царя – Бога. Поэтому этот ребёнок не может жить - когда рождается дитё, оно действительно тяжко заболевает. И реакция Давида на сие совершенно удивительная. Пока чадо болеет, царь постится - ничего не ест, непрерывно молится, посылает голову пеплом, он весь в прахе и раскаянии. Все Вы прекрасно знаете 50-й псалом «Помилуй мя Боже...», этот **покаянный** псалом - похоже, что именно этим псалмом он и молится в этот момент. Молится Богу день и ночь. Но ребенок, тем не менее, умирает. И люди вокруг боятся сообщить Давиду, что его чадо скончалось. Они думают: он так переживал, так страдал, когда ребенок болел, а теперь, когда он умер, царь вообще неизвестно что сделает – и с собой, и с нами. Давид видит, что они перешептываются, и спрашивает: «Что, ребенок умер?» - «Да, умер», - говорят они. Тогда Давид встал, умыл лицо своё, пошёл в скинию, там молился и после этого вернулся к обычным делам. У него спросили: «Как же так? Пока ребенок болел, ты так себя истязал, а теперь, когда он умер, ты вроде бы совершенно не расстраиваешься. В чем же дело?». Тогда Давид отвечает следующими словами: «Пока ребенок болел, я молился, не помилует ли меня Господь. Не помилует ли **МЕНЯ**, а не ребенка, это **Я** виноват, - и не оставит ли его жить. Когда же ребенок умер – зачем же мне молиться? Ведь я же не смогу вернуть его к жизни. Теперь уж не он ко мне придёт, а я пойду к нему».

В этом как раз проявилась потрясающая вера Давида, его здравомыслие и честность. Он молится о помиловании своего греха. Быть может, если Бог изгладит его прегрешение, окажется, что этот ребёнок сможет пригодиться и здесь, в этой жизни. Но для Давида совершенно очевидно, что сей ребенок не пропадёт. Он жизни не лишается. «Он уходит к Богу – и я иду вслед за ним». Ребёнок не умер, он никуда не пропал, он в Божьих руках, он жив.

Этим самым Давид намного опережает своё время, он прямо таки Новозаветный персонаж, живший задолго до Христа. Это видно и по его покаянию, и по отношению к смерти, и по вере в загробную жизнь.

Он действительно во многом является прообразом того совершенного Царя, которого мы увидим в Иисусе Христе. И нам с Вами есть чему у него поучиться. И покаянию. И тому, как доверять Богу жизнь и смерть – свою и наших близких. И как относиться к самой смерти вообще. Смерть – это далеко не конец жизни. Это в каком-то смысле только её начало. Это и нам с Вами не всегда очевидно. Но мы же христиане, причём, уже 21-го века! А Давид жил в те времена, когда какого-то устойчивого представления о загробной жизни ещё не было. Считалось, что продолжение моей жизни может осуществиться только в потомстве, в детях. А Давид вот каким-то пророческим прозрением увидел **больше** – нет, не в потомстве продолжение нашей с Вами жизни – потомство будет жить своей жизнью, а мы своей. Телесная смерть – это не конец, это врата в Жизнь Вечную.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным